

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

О ПРОБЛЕМЕ «ПРЕСАПИЕНСА» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В центре внимания палеоантропологов продолжает оставаться вопрос о ближайшем предке современного человека. Эта проблема имеет важное значение для понимания общего хода человеческой эволюции, для уяснения качественного своеобразия ее движущих сил, наконец, для изучения процессов расообразования у человека. Отсюда острота и страстность тех дискуссий, которые идут вокруг вопросов о родственных связях между неандертальцами и современными людьми и об относительной древности палеоантропа и неоантропа. Особенно широко обсуждается в настоящее время теория «пресапиенса», согласно которой «неандертальская фаза» должна быть вычеркнута из родословной современного человека, предок которого — пресапиенс, якобы обладал почти всеми характерными для ныне живущих людей морфологическими свойствами и уже существовал задолго до классических неандертальцев, т. е. в первой половине плейстоцена. Проблеме «пресапиенса» посвящена в советской литературе специальная статья М. С. Войно, в которой приводится библиография по этому вопросу¹. Появление в самое последнее время новых важных работ в зарубежной литературе из области палеоантропологии побуждает нас снова вернуться к сложной проблеме родственных отношений между неандертальцем и сапиенсом (*Homo sapiens*).

В настоящей статье я предполагаю остановиться главным образом на монографии А. Валлуа о фрагментах черепов из грота Фонтешевад, появившейся в 1959 г.²

Работа А. Валлуа содержит, помимо исчерпывающих фактических материалов по обоим фрагментам из грота Фонтешевад, подробное изложение взглядов автора на проблему происхождения человека современного вида. Валлуа следующим образом классифицирует концепции о происхождении неантропа.

1. *Homo sapiens* происходит непосредственно от неандертальского человека.
2. *Homo sapiens* происходит от пренеандертальцев.
3. *Homo sapiens* происходит от особого ствола; этот ствол независим как от неандертальского, так и от пренеандертальского; его следует назвать ствол пресапиенса (*presapiens*).

Валлуа указывает еще на четвертую концепцию — происхождение *Homo sapiens* и *Homo neanderthalensis* от разных форм животных. Эту полифилитическую теорию Валлуа категорически отрицает, добавляя, что в настоящее время у нее очень мало защитников.

Напомним о содержании этих концепций.

В прошлом веке почти ни у кого из сторонников дарвиновской теории происхождения человека не возникало сомнений в том, что кроманьонцы Западной Европы были прямыми потомками европейских неандертальцев. Такая точка зрения укреплялась, во-первых, стремлением борцов за дарвиновскую идею найти как можно скорее и как можно больше прямых предков современного человека с чертами на черепе, напоминающими обезьян, во-вторых, неумением точно разграничить краниологические признаки неандертальцев и людей позднего палеолита. Как известно, только после классических работ Г. Швальбе неандерталец получил как бы второе крещение под названием *Homo primigenius* и оказался резко отделенным от позднепалеолитических людей.

¹ М. С. Войно, Современное состояние проблемы пресапиенса, «Советская антропология», 1959, № 1.

² H. V. Vallois, La Grotte de Fontéchevade, «Archives de l'Institut de Paléontologie humaine», Mémoire № 29, Paris, 1959.

Против гипотезы прямой родственной связи между западными неандертальцами и современными людьми, однако, справедливо выдвигают следующие аргументы 1) большое число весьма своеобразных признаков западного неандертальца, которые не позволяют поставить его в качестве связующего звена между обезьянами и ныне живущими людьми (тавродонтизм, короткие предплечья и голени, огромный мозг); 2) резкое отличие неандертальца от раннеориньякского человека в Западной Европе; 3) очень большая быстрота смены неандертальца человеком современного типа в Западной Европе, непонятная и необъяснимая с точки зрения того, что нам известно о темпах эволюции.

Преодолеть эти трудности позволяет теория происхождения неантропа от пренеандертальца. М. А. Гремяцкий, позднее В. П. Якимов, а за рубежом — Серджи, Хоуэлл, Брейтингер защищали идею о том, что предками современного человека были не «типичные» или «классические» неандертальцы Западной Европы, а другие — «атипические», или пренеандертальцы, для которых характерна меньшая емкость черепа и сочетание черт архаических с прогрессивными; кроме того, в Европе они имеют большую геологическую древность. К ним, по мнению Гремяцкого, в Европе относятся: гибралтарский череп 1, черепа из Штейнгейма, Эрлингсдорфа и некоторые другие. Смесь примитивности и сапиентности сходны с ними родезийский череп и черепа из Нгандонга с о-ва Ява³. По теории «пренеандертальца» от общей неспециализированной группы пошли две ветви — одна к неантропу, другая — к типичным неандертальцам.

Большое число сторонников в последнее время завоевала, главным образом за рубежом, теория пресапиенса. Можно назвать множество авторов, которые еще задолго до находки в Фонтешевад считали, что неандертальцы вовсе не были предками современных людей и что ветвь, которая привела к неантропу, в течение всего плейстоцена развивалась совершенно обособленно от неандертальской. Общий предок этих двух типов человека помещался либо в плиоцене (Пильгрим, Кизс, Осборн и др.), либо в начале плейстоцена (Э. Смит, Моллисон, Хутон). Любопытно, что знаменитая пильдаунская находка (которая в 1953 г. была разоблачена Вейнером, Оклеем и Ле Гро-Кларком как подделка) фигурировала на всех смотрах, авторов которых я только что назвал. Она, без сомнения, в свое время очень многих толкнула на поиски неантропов в слоях раннего плейстоцена в качестве «людей зари» — эоантропов. Однако появление теории «пресапиенса» в современном ее понимании связано с именем Хеберера, который, начиная с 1944 и в особенности с 1950 г., в серии публикаций развивал содержание термина «пресапиенс», предложенного, по-видимому, им же самим.

Остановлюсь очень коротко на взглядах Хеберера. Этот автор противопоставляет свою гипотезу, которую она называет «гипотезой разветвления» (Entfaltungshypothese), прежней, классической гипотезе «трех ступеней» (classische Stufenhypothese). Пользуясь терминами, предложенными Фрасетто и выражающими развитие надглазничного валика (torus), Хеберер архантропов (т. е. питекантропов и других древнейших людей), равно как и палеоантропов (неандертальцев), относит к «просколинам», т. е. имеющим валик; неантропы — это «апросколины», т. е. не имеющие валика. В самом начале плейстоцена, в начале Гюнца, от группы, родственной австралопитекам, обладавшей небольшим надглазничным валиком («олигопросколины»), одновременно отошли все три ветви гоминид — питекантропов, неандертальцев и современных людей. Многие обезьяньи черты питекантропов, заявляет Хеберер, вовсе не предковые пережитки: это — вторично приобретенные особенности, развивавшиеся независимо у них и у антропоморфных обезьян. Ведь никаких признаков длиннорукости нет у синантропов. Мы вообще, по мнению Хеберера, недооцениваем роли параллелизмов и конвергенции в эволюции. В доказательство того, что неантропы могли жить раньше, чем палеоантропы, Хеберер приводит находки остатков человека из Пильтдауна, из Сванскомба, из Фонтешевад и из Квинцано. Что касается якобы переходных в стадийном отношении палестинских скелетов, то, по Хебереру, это — вовсе не «возникающий из неандертальца неантроп», а просто гибридное население, так как превращение неандертальца в сапиенса было, с точки зрения мутационного темпа, нелегко в такой короткий срок. Кроме того, эти две ветви могли оформиться, если допустить их родство, только в изоляции, а никак не на одной тесной территории⁴.

К Хебереру близок Валлуа. В развернутой форме Валлуа изложил свои мотивы в пользу гипотезы пресапиенса в 1954 г. в своей мемориальной лекции, посвященной памяти Томаса Гексли, а затем в упомянутой выше монографии о гроте Фонтешевад. Приминая в основном к взглядам Хеберера, Валлуа тем не менее отмечает в его схеме два широко распространенных, по его мнению, недостатка: 1) в ней слишком много целых, не прерванных генеалогических линий, что не соответствует нашим действительным знаниям; о многом мы еще можем только догадываться, и поэтому на схемах лучше пользоваться пунктиром; 2) Хеберер не считается с тем, что терри-

³ М. А. Гремяцкий, Проблема промежуточных и переходных форм от неандертальского типа человека к современному, «Уч. записки МГУ, Ин-т антропологии», вып. 115, М., 1948.

⁴ G. Heberer, Grundlinien in der pleistocänen Entfaltungsgeschichte der Euhominiden, «Quartär» Jahrbuch für Erforschung des Eiszeitalters und seinen Kulturen, J. 5, Bonn, 1951.

теории некоторых находок очень удалены друг от друга, а миграции были не столь простым делом.

Устраняя эти два недостатка, Валлуа предлагает несколько иную схему. Одно из центральных мест в его аргументации — это, по его мнению, большое сходство с неоантропом фрагментов из Сванскомба и из Фонтешевада. Валлуа, однако, не может отрицать очень примитивных черт этих людей. Он соглашается, что они отличаются от типичного сапиенса. Казалось бы, их можно сблизить с пренеандертальцами? С этим Валлуа решительно не согласен. Аргументация его строится на том, что человек из Фонтешевада и Сванскомба — пресапиенс, резко отличающийся от пренеандертальца из Штейнгейма. В чем эти отличия? 1) У пресапиенса нет надглазничного валика, как это ясно показывает фрагмент лобной кости Фонтешевад I; 2) размеры церебрального отдела черепов Сванскомба и Фонтешевад II гораздо больше, чем черепа из Штейнгейма. Сближать их, заявляет Валлуа, значит идти наперекор всем принципам палеонтологических классификаций. Отсутствие валика на фрагменте черепа Фонтешевад I нельзя приписать детскому возрасту — у него большой лобный синус; нельзя его приписать и геологической ошибке — тест на фтор, сделанный самими Оклей, показал, что этот фрагмент относится к тейякскому, до-мустьерскому, слою.

Валлуа уделяет мало внимания палестинским находкам. Но в редактируемом им журнале «L'Anthropologie» венгерский антрополог А. Тома опубликовал специальную работу об ископаемом населении пещер Схул, Табун и Кафзех, в которой пытается очень подробно доказать, что в Палестине в мустьерскую эпоху смешались два типа: неандерталец и *Homo sapiens*.⁵ Работа А. Тома выполнена с применением новых приемов математической статистики и опирается на различия статистических параметров у заведомо гибридных групп, с одной стороны, и стадийно-промежуточных, — с другой. В итоге автор приходит к заключению, что никакой трансформации в Палестине не было, что было смешение уже сформированных типов — неандертальца и сапиенса. Отсюда он делает вывод, что неантроп — продукт очень ранний и потомок пресапиенса и что эта линия уже реализовалась в среднем и нижнем плейстоцене.

Такова аргументация теории пресапиенса. Рассмотрим ее несколько подробнее.

Конечно, неприемлемы все те варианты, в которых *Homo sapiens* представляется вполне сложившимся в самом начале плейстоцена. Поставить неантропа, начиная с рубежа плейстоцена, вне эволюции и вычеркнуть почти всех ископаемых гоминид из его родословной нет никаких оснований. Мы не будем останавливаться на этой совершенно оторванной от фактов гипотезе. Более осторожно подходит к вопросу Валлуа. Несмотря на глубокие расхождения между позицией Валлуа по отношению к теории пресапиенса и моими взглядами, некоторые его положения не расходятся с теми, которые защищались мною в печати начиная с 1947 г.

Прежде всего, вряд ли могут быть сомнения в том, что от теории о превращении «классических», т. е. поздних, западноевропейских неандертальцев в людей типа Гримальди или Комб-Капелль или в кроманьонцев следует отказаться из-за тех неразрешимых трудностей, к которым должно привести ее признание. Валлуа также прав, когда заявляет, оценивая полицентрическую концепцию Вейденрейха, что для признания родственных связей современного китайца с синантропом или австралийца с яванским питекантропом у нас нет серьезных оснований.

Сходны наши представления о том, где именно произошли западноевропейские люди позднего палеолита и откуда они пришли в Западную Европу. Валлуа прямо говорит о том, что предки позднепалеолитических людей пришли с востока, а именно — из Западной Азии. «Новые пришельцы в Центральную и Западную Европу могли произойти только на востоке: барьеры в виде ледников на севере и Средиземного моря на юге, действительно, исключали всякую другую дорогу. Где-то на востоке, без сомнения в Западной Азии, и в более раннюю эпоху, чем Вюрм, должны были существовать пресапиенсы, которые постепенно развивались и превратились в истинных сапиенсов»⁶.

Основная идея Валлуа заключается в том, что достоверное представление о морфологическом облике пресапиенса в среднем плейстоцене нам дают черепа из Фонтешевада. Составляя их с людьми позднего палеолита и с неандертальцами, он приходит к выводу об их промежуточном положении, отмечая у них наличие черт как современного типа, так и примитивных, сближающих этих пресапиенсов с неандертальцами. «Их положение, — пишет Валлуа, — насколько мы это знаем, до известной степени промежуточное»⁷. И это мнение в общем совпадает с теми взглядами, которые высказывались в нашей печати. Тем не менее между нами имеются весьма существенные разногласия.

Прежде всего они касаются оценки морфологического типа сванскомбского черепа. Хотя у Валлуа имеются основания предполагать, что сванскомбский череп не обладал надглазничным валиком — по аналогии с фрагментом Фонтешевад I, — одна-

⁵ A. Thom a, Métissage ou transformation?. Essai sur les hommes fossiles de Palestine, «L'Anthropologie», т. 61, 1957, № 5—6, 1958, № 1—2.

⁶ И. В. Валлоис, Указ. раб., стр. 151.

⁷ Там же, стр. 124.

ко это все-таки не более чем предположение. Если же обратиться к тем особенностям, которые могут быть действительно измерены и определены, то сванскомбский череп, по крайней мере по нескольким важным признакам, гораздо ближе к палеоантропам, чем к неантропам. Эти факты были показаны в нескольких работах, но, очевидно, полезно напомнить их еще раз.

Ширина затылка в процентах высоты «базиион—брегма» равна в среднем у современного человека 84,2, у «классических неандертальцев» — 93,5, у человека из Сванскомба — 98,3. Расстояние между точкой «инион» и внутренним бугром затылочной кости равно у современного человека примерно 2,5 мм, у «классических неандертальцев» — в среднем 17,2 мм, у Сванскомба — 18,0 мм. Указатель затылочного отверстия у современного человека в среднем — 83,4 у палеоантропов (Шапелль, Брокен хилл, Табун I) — 71,9, у Сванскомба — 74,7. Уплощение свода в теменной области, выражаемое индексом отношения теменной хорды к теменной дуге, равно у современных людей примерно 89,5, у «классических неандертальцев» — 94,1, у Сванскомба — 93,1. Толщина кости в области «астериона» (по Валлуа) у современного человека — 3,9 мм, у «классических неандертальцев» — 5,75 мм, у Сванскомба — 9 мм. Длина дуги «лямбда—инион» в процентах ширины затылка у современного человека примерно — 65, у шапелльского неандертальца — 49,6, у сванскомбского человека — 49,0 (по Валлуа).

Если прибавить к этим цифрам те наблюдения, которые приводит Валлуа в сводной таблице, а именно, отсутствие у сванскомбского человека и у «классических неандертальцев», в отличие от современных людей, теменных отверстий, отсутствие ясно выраженных височных линий, то вряд ли можно прикинуть к позиции резко противопоставления человека из Сванскомба и палеоантропов. Особенности эндокрана (платикrania, малое развитие височной доли) только подчеркивают их близость.

Факты. Только что упомянутые, сами по себе уже свидетельствуют против того, чтобы между человеком из Сванскомба и пренеандертальцами могла быть резкая разница в отношении большего сходства сванскомбского человека с современными людьми. Конечно, не может быть и речи об идентичности формы сванскомбского и штейнгеймского черепов. Но достаточно посмотреть на их сагиттальные контуры при совмещении центров линий «базиион—брегма» и направления этих линий, чтобы убедиться в отсутствии на обоих черепах неандертальского «шиньона»; расхождение же главным образом в том, что контур сванскомбского фрагмента чуть-чуть меньше отличается от неандертальского. Наиболее значительна разница в емкости черепа и, следовательно, вообще в его линейных и дуговых размерах. Но ведь контраст между «пресапиенсом» из Сванскомба и «пренеандертальцем» из Штейнгейма несколько смягчается тем, что пренеандертальский череп из Эрингсдорфа, как бы его ни монтировать, по своей емкости гораздо крупнее штейнгеймского. А ведь у черепа из Эрингсдорфа огромный надглазничный валик. Так кто же его обладатель: пренеандерталец или пресапиенс? Нелишним напомнить, что по таким признакам, как ширина затылка в процентах высоты черепа, пренеандертальцы (100,4) очень близки к человеку из Сванскомба (98,3). То же обнаруживается при сопоставлении черепов из Эрингсдорфа и Сванскомба по расстоянию между точкой «инион» и внутренним бугром затылочной кости (у обоих 18,0 мм). Уплощение свода в теменной области черепов пренеандертальцев (Штейнгейм, Эрингсдорф, Саккопасторе) в среднем 93,3; у сванскомбского — 93,1. Дуга «лямбда—инион» в процентах ширины затылка у штейнгеймского черепа гораздо ближе к величине этого признака у современного человека (60 и 65); сванскомбский же череп, как мы видели, гораздо ближе к неандертальскому из Шапелль (49 и 49,6). Мы, конечно, далеки от мысли делать предсказания, какой лоб должен оказаться у человека из Сванскомба, если найдут его лобную кость. Палеоантропология приучила нас к тому, что действительные сочетания признаков иногда не соответствуют теоретическим расчетам. Но если бы даже его лоб был совершенно лишен надглазничного рельефа, сванскомбский череп должен был бы занять особое место в систематике. По всей совокупности признаков его нельзя было бы отнести к типу *Homo sapiens* даже в его примитивной форме, при всей очевидной необходимости убрать его в этом случае также из неандертальской группы.

В гипотезе Валлуа судьба пресапиенса в Западной Европе освещена довольно ясно: на протяжении многих десятков тысячелетий пресапиенс просуществовал без значительных изменений морфологического типа; это вытекает из сходства Фонтешевад II и Сванскомба. Затем в мустерскую эпоху настоящие неандертальцы полностью победили в жизненной борьбе, и пресапиенс исчез. В позднем палеолите «готовый» *Homo sapiens* приходит с востока и в свою очередь вытесняет неандертальца, т. е. как бы берет реванш за то поражение, которое некогда потерпел его предок — пресапиенс в мустерское время.

Однако остается совсем неясной судьба пресапиенса в Передней Азии. Прежде всего следует напомнить, что отсутствие всяких костных остатков домустьерского времени в Передней Азии предостерегает сторонника любой теории происхождения человека современного типа от категорических суждений. Однако для теории Валлуа трудности еще более увеличиваются вследствие особенностей морфологического типа палеоантропов Палестины.

Как известно, мустерские люди из пещеры Схул характеризовались сочетанием резко выраженных неандертальских черт, в частности надглазничного валика, с очень

Большим числом признаков нового человека, например с наличием подбородочного выступа. Теоретически говоря, могут быть разные объяснения генезиса этого сложного типа палестинцев. Один из вариантов решения этой задачи таков: скелетные остатки из Схул, Табун, Кафзех — представители переходной стадии в процессе превращения палеоантропа в неантропа. Очевидно, что такое толкование фактов несовместимо с теорией пресапиенса; против подобного объяснения главным образом и направлена вся ее аргументация. Какие же другие гипотезы можно согласовать с теорией пресапиенса? Прежде всего естественно предположить, что палестинские мустьерцы — это продукт смешения между пресапиенсами и неандертальцами. Принимая такую точку зрения, следует: 1) или допустить, что эти получившиеся от смешения метисы и превратились в современного типа людей, в настоящих сапиенсов, или 2) прийти к выводу, что палестинцы, подобно западноевропейским неандертальцам, оказались боковой ветвью и не приняли никакого участия в происхождении неантропа. В этом случае пришлось бы предположить, что настоящий сапиенс пришел из другого места и истребил палестинцев так же, как он это сделал с палеоантропами европейского запада. Какой из этих вариантов правдоподобнее, если стать на позицию пресапиенса? Первый, как мне кажется, плохо согласуется с этой теорией. В самом деле, если, как говорит Валлуа, различия между пресапиенсом и сапиенсом малы и если те мутации, которые требовались для превращения пресапиенса, были незначительны, то непонятно, почему сапиенс для этого небольшого шага вперед должен был предварительно смешаться с неандертальцем (и притом получить эту примесь в достаточно большой дозе, чтобы в результате смешения возник большой надглазничный валик)? Не для того же теория пресапиенса устранила из родословной современного человека стадию палеоантропа, чтобы снова ввести ее в качестве компонента метисации, необходимого для перехода к сапиенсу. Из сказанного следует, что наиболее последовательно с позиций разбираемой теории было бы устранить из эволюции человека вообще все мустьерские находки Палестины, не только неандертальские, но и промежуточные по типу. Где же в таком случае произошло превращение пресапиенса в сапиенса? В Иране, в Аравии, в Индии? Об этом мы ничего не можем сказать, так как в названных областях почти никаких остатков раннепалеолитического человека не найдено.

Впрочем, остатки ископаемых людей, более древних, чем европейские неандертальцы, на территориях, расположенных к востоку, западу и северу от Передней Азии, не свидетельствуют в пользу теории пресапиенса в только что изложенном ее варианте: североафриканские позднелашельские люди из Рабата и Темара, по определению Валлуа, близки к неандертальцам и даже несколько более примитивны; яванские черепа из Нгандонга — обладатели мощного надглазничного валика и очень напоминают родезийского палеоантропа. Крымская находка раннемустьерского времени в Киник-коба, представленная главным образом костями стоп и кистей, всеми причисляется к неандертальским. Обнаруженная далее к западу ранняя находка естественного слепка из Гановцев также оказалась весьма примитивной.

Серьезные трудности для теории пресапиенса представляет и картина распространения неандертальцев в развитом мустье; они занимают почти всю территорию Старого Света, доступную для обитания человека; во всяком случае, нет ни одной находки ископаемых людей, связанной с типичным мустье или датированной соответствующим временем, которая не свидетельствовала бы об неандертальском облике. Такое положение вещей с позиций теории пресапиенса означает огромное, почти всесветное, масштаба победу неандертальца над пресапиенсом. Разумеется, подобное допущение требует объяснения, так как необходимость не локального, а повсеместного вытеснения более прогрессивного типа человека существом гораздо более примитивным вовсе не очевидна сама собой. Было бы естественно ожидать как раз обратного процесса, по крайней мере по аналогии с тем, что произошло на рубеже мустье и позднего палеолита, когда неантроп широко распространился по земле.

Аналогичное затруднение возникает для теории пресапиенса вследствие морфологических особенностей людей позднего палеолита Восточной и Средней Европы. В самом деле, в согласии с теорией пресапиенса черепные крышки, или черепа, из Хвалынска, Сходни, Брно, Пшедмоста, Подбабы и др. с их явными признаками неандерталоидности (при общем типе современного облика) должны быть, как и палестинские палеоантропы, вычеркнуты из родословной ныне живущего *Homo sapiens*; таким образом, прародина и предок современного человека снова исчезают, и опять создается картина либо превращения пресапиенсов в неандерталоидов, либо поглощения первых вторыми в процессе смешения.

Получается странная ситуация. Куда бы ни направлял свои стопы этот плейстоценовый человек современного типа, за ним повсюду гнался и достигал его неандерталец. Роль жертвы в этой палеонтологической поэме, таким образом, досталась целиком на долю будущего властелина нашей планеты.

Если, как мы видим, многие факты с трудом поддаются объяснению с позиций теории пресапиенса, то и противоположная точка зрения сталкивается с препятствием, которое возникло для нее после находки фрагмента Фонтешевад I. Если в тейкьяское время существовали люди, лобная кость которых была совершенно лишена надглазничного валика, то, казалось бы, сама собой напрашивается мысль, что именно от обладателей такого лба и должны произойти люди современного типа. Однако, как мы видели, сам Валлуа не считает пресапиенса из грота Фонтешевад родоначальником

европейских кроманьонцев. Другие же остатки такого рода как в Европе, так и за ее пределами, пока неизвестны.

Среди различных гипотез о месте фонтешевадского фрагмента I в системе гоминид мне кажется более или менее правдоподобной та, согласно которой фонтешевадский человек был одним из локальных вариантов разнообразного в морфологическом отношении населения эпохи позднего ашеля и раннего мустье. Он, по-видимому, сочетал современный тип строения лба с весьма примитивным строением черепа в целом. Понятно, что он должен занять своеобразное место в системе гоминид.

Переходим к вопросу о значении палестинских находок. Подробный анализ этой проблемы, как было сказано выше, дал А. Тома. Названный автор пришел к выводу, что мустьерцы Палестины были продуктом метисации. Можно вполне согласиться с таким заключением Тома. О том, что мустьерское население палестинских пещер было весьма смешанным по своему составу, известно, впрочем, давно. Прежде всего человека из Табун I, с одной стороны, и всех обитателей Схул, с другой,—относили к явно различным формам. Но и люди из Схул, бесспорно, смешанного происхождения⁸.

Однако кто же там смешивался? Тома полагает, что смешение происходило между типом сапиенс и неандертальцем. Отсюда он делает вывод о существовании сапиенса чуть ли не с нижнего плейстоцена. Правда, Тома вносит в это положение существенный корректив, указывая, что тот сапиенс, который пришел с юга в Палестину, отличался от современного человека рядом примитивных черт: свод еще не был так высок, небольшой валик (типа Схул IV и Пшедмоста) должен был возвышаться над орбитами; височная яма отличалась от ямы современного человека, спинка носа была менее дифференцирована, поверхность неба относительно большая, шейный отдел более короткий и менее выпуклый. Автор, впрочем, оговаривается: не исключено, что эти особенности — либо результат случайности, либо проявление доминантности. Остальные признаки показывают бесспорное совпадение с *Homo sapiens* (в числе этих признаков — «клыковая ямка на пути к развитию»).

Уже из текста названного автора ясно, что по некоторым весьма важным таксономическим признакам его «*Homo sapiens*» в действительности — тип, промежуточный между неантропом и палеоантропом. Однако этот ряд признаков можно дополнить еще и некоторыми другими важными особенностями — толщиной стенок свода в области глабеллы и затылка, фронтобиорбитальным указателем, наклоном лба, шириной затылка и другими.

Начну с толщины стенок черепа в области глабеллы и затылочной кости. Она, как известно, выражается величиной разности между продольными диаметрами экзокрана и эндокрана:

Разность между наружным и внутренним продольными диаметрами черепа (в мм)

(по разным авторам):

	М
Современный человек ♂	15,1
» ♀	12,7
Поздние неандертальцы Зап. Европы	23,7
Ранние неандертальцы (Эрингсдорф, Штейнгейм)	27,0
Палестинские мустьерцы (Схул V, IV, IX)	27,0

Из этих цифр явно следует, что тот «*Homo sapiens*», который смешался с неандертальцами, не мог обладать толщиной кости в области глабеллы и затылка меньшей, чем 27 мм!

Такие же отчетливые результаты дает протяженность скуловых отростков лобной кости, выражаемая разностью между верхней шириной лица и наименьшей шириной лба:

Длина скуловых отростков лобной кости (в мм)

(по разным авторам):

	М
Современный человек	9,0
Поздние неандертальцы Зап. Европы	16,1
Ранние неандертальцы (Эрингсдорф, Штейнгейм)	17,5
Палестинские мустьерцы (Схул, IV, V, IX, VII)	26,0

⁸ См. Я. Я. Рогинский. Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас, М., 1949, стр. 93—98.

Едва ли можно допустить, что огромные скуловые отростки палестинцев (26 мм) могли возникнуть в результате смещения людей современного типа и неандертальцев. Другим способом выражения той же особенности является так называемый фронтально-биорбитальный указатель, т. е. величина наименьшей ширины лба, взятая в процентах верхней ширины лица. У современных рас средние варьируют от 86,5 до 96,5, давая в среднем 91,2; у людей позднего палеолита этот индекс равен 89,6; у поздних неандертальцев — 86,5; у ранних неандертальцев (Эрингсдорф, Крапина Д, Крапина С, Крапина «обломок», Штейнгем) — 85,0; у палестинцев (Схул IV, Схул V, Схул IX) — 79,0; у синантропов — 72,0. Сомнительно, чтобы от смещения людей с индексом 89,6 и 85 произошли люди с индексом 79,0.

Обратимся теперь к важному признаку, достаточно отчетливо отделяющему палеоантропов от неантропов, — к ширине затылка (астерион — астерион) в процентах высоты черепа (базион — брегма):

Ширина затылка в процентах высоты черепа

	М
Современный человек	84,2
Неандертальцы и пренеандертальцы	
Зап. Европы	96,5
Палестинцы (Схул, V, IV, IX)	96,6
Табун I	104,3

Аналогичная картина получается при сопоставлении по индексу «ушная высота свода» в процентах ширины затылка, а также по высотно-широтному указателю затылочной чеши. Заслуживает упоминания и такой признак, как угол наклона лба (лобный угол Швальбе); он весьма сходен у неандертальцев и палестинских мустьерцев. У современных европейцев лобный угол равен примерно 88—89°, у мужчин позднего палеолита в Европе — около 86°, у мужчин неандертальцев — 61,9°, у человека из Штейнгейма — 63°, из Схул — 64°. Как представить себе происхождение людей с углом в 64° в результате гибридизации групп с 86° и 63°?

Остановимся еще на двух признаках. Наименьшая ширина лба в процентах ширины затылка у современного человека равна приблизительно 88; у поздних неандертальцев Западной Европы — 84,4; у человека из Схул — 80,5. Передняя межглазничная ширина у современных рас варьирует от 22 до 28 мм; у поздних неандертальцев она равна 31,4 мм; на черепе из Штейнгейма — 29 мм. А вот данные по черепам из Палестины: на трех черепах из Схул — 31 мм; на черепе Табун I — 32 мм; на черепе из Кафзах — 30 мм; на галилейском — 29 мм. Очевидно, что все рассмотренные здесь особенности мустьерцев Палестины нельзя объяснить как результат смещения неантропа и палеоантропа.

Эти факты показывают, что ни один из участников процессов гибридизации в Палестине не был человеком современного типа и что более прогрессивный из них все-таки обладал, по-видимому, целым комплексом примитивных черт. Нам кажется поэтому, что А. Тома имел все основания сделать еще один шаг в ходе своих рассуждений и не называть этого прогрессивного участника гибридизации термином *Homo sariens*. Этот прогрессивный элемент не отличался по весьма важным признакам от палеоантропа; именно так и следует его оценивать и говорить о нем лишь как о представителе одной из разнообразных переходных форм по пути эволюции ископаемых предков человека.

Есть основания предполагать, что та линия, которая в конце концов привела к современному человеку, отделилась от палеоантропов задолго до развитого мустье; может быть, это произошло в самом начале мустьерского времени. Но говорить о почти готовом типе *Homo sariens* на заре плейстоцена у нас нет никаких оснований. Сформировавшегося «кроманьонца» в мустьерских слоях Передней Азии не найдено, по всей вероятности, потому, что его там не было. На вопрос: «трансформация» или «гибридизация» — Тома ответил «гибридизация»; между тем из его же собственных рассуждений вытекает другой ответ, а именно, что было и то, и другое. Справедливость такого ответа делается еще более наглядной при учете тех дополнительных соображений, которые были здесь приведены. Смешивались прогрессивные в стадийном отношении формы палеоантропов или близких к ним существ. Смешение могло при этом содействовать процессу дальнейшей трансформации.

Я. Я. Рогинский